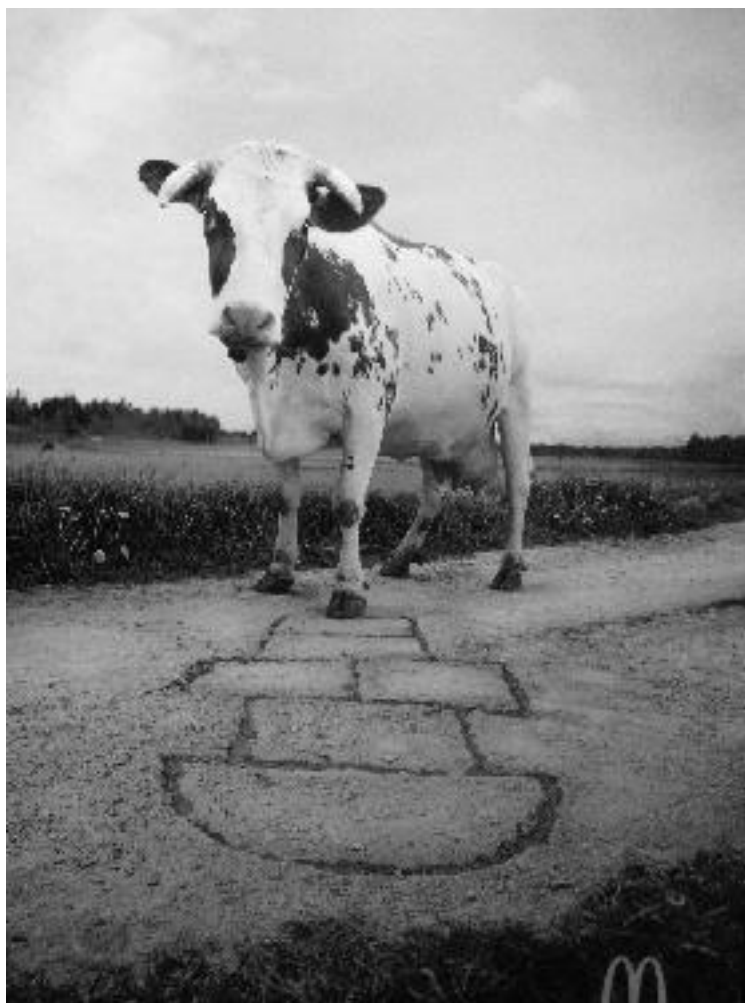

LiteraruS – Литературное слово 3(40), 2013 (осень)

2003 – 2013

Историко-культурный
и
литературный журнал на русском языке
Издается в Финляндии с 2003 года

Главный редактор
Людмила Коль

Редакционный совет

Александр Авеличев, Тимо Вихавайнен, Игорь Воловик, Арви Пертту,
Сергей Погребов, Галина Пронина, Ирина Савкина, Елена Хеллберг-Хирн

Корреспонденты

Полина Копылова (Финляндия), Светлана Матссон-Попова (Швеция),
Нина Гейдэ (Дания), Юлия Лалуа (Франция), Евгений Степанов (Россия)

**Компьютерная графика
и макет обложки**

Таня Варонен

Корректор

Галина Пронина

Web-мастер

Евгений Малицкий

Журнал имеет 6 выпусков в год, №№ 1–4 выходят на русском языке

Подписка на журнал принимается

по e-mail: litararus@kolumbus.fi

по тел.: +358 40 5121618

Информация о журнале расположена на сайте:
www.litararus.org

Журнал публикует произведения авторов, живущих в Финляндии, Скандинавии и других странах, а также российских авторов, пишущих на финские темы; тексты принимаются по e-mail

При перепечатке ссылка на журнал обязательна

Точка зрения автора может не совпадать с точкой зрения редакции

Материалы публикуются на безгонорарной основе

Издатель: **LitararuS**

Y-tunnus: 1538941-8

При участии LitararuS ry

Печатается в типографии UNIGRAFIA OY

(Teollisuuskatu, 23 B 00014 Helsingin yliopisto, тел.: 358 9 7010230)

© LitararuS, 2013

Издание осуществляется в рамках Проекта «LitararuS»
при поддержке Министерства просвещения Финляндии

ISSN 1459-2673

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХИ

- Римма Маркова.** *Как быстро жизнь прошла...* 5
Валерий Скобло. *Наша база...* 7

НАША ИСТОРИЯ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

- Андрей Кузнецов.** «...врядли самая захудалая деревня в Швеции...» 8
Евгений Анисимов. *Идея империи при Петре Великом* 15

ПРОЗА

- Евгений Хейсканен.** *Путешествие за море*, рассказ 22
Юлия Лалуа. *Рассказики: Сказки. Отсчёт пошел!* 32

АНОНС

- Знаете ли вы Хельсинки?* 35

СТУДИЯ

- Алёна Раси, Илья Ильвес, Станислав Дуденков.** *Стихи* 36

ФОТОРЕПОРТАЖ

- Кирилл Резник.** *Артефакты. Язык. Люди. Символы.* 42

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВСТРЕЧИ

- Галина Илюхина.** «*Петербургские мосты: созданы, чтобы объединять*» 44

СТРАНИЦА ПЕРЕВОДЧИКА

- Александр Авеличев.** *На пути к вечному Западу* 50

ИСКУССТВО

- Работы с выставки организации Grafia* 52

ЖУРНАЛИСТ

- Жан Гавриленко.** *Майи, Бримон... По следам русских солдат* 55
Алексей Востров. *Дорога, дорога, ты знаешь так много...* 62

ЛИТЕРАТУРА

- Виктор Цоффка.** *О новом комментарише к роману А.С. Пушкина* 68

КОНФЕРЕНЦИЯ

- Собственный голос в культурной полифонии (Марина Павликова, Анн Годар, Светлана Матссон-Попова, Тимо Вихавайнен, Борис Колымалин, Ольга Байнова, Полина Копылова)* 73

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

- Пастель и русские березы (Юлия Лалуа)* 96
Набоковская конференция в Париже (Алексей Филимонов) 98
Новые книги 100
Преданные, предатели и предавшиеся... (Полина Копылова) 103

- ОБЪЯВЛЕНИЯ 104

На стр.1 и 4 иллюстрации работ выставки организации Grafia

Римма Маркова
Римма Маркова

Хелене Шерфбек Heléne Schjérfbeck

Как быстро жизнь прошла.
Как долго боль стихает.
Пора засунуть в шкаф
рисунки со стихами.

Черницей, без затей,
жила почти келейно.
Ни мужа, ни детей,
но, все-таки, семейно.

Был в праздничный обед
украшен стол цветами
все двадцать с лишним лет,
что я служила маме.

Моя настала власть.
Но долго ли осталось?
Все изучают страсть,
я изучаю старость.

Спокойно и всерьез:
слова и краски скупы.
Как обострился нос,
как очертились скулы.

Лицо – ни губ, ни век,
страшнее, чем острожник.
Уже не человек.
Но все еще художник.

СТИХИ

ГОЛЛАНДИЯ С САМОЛЕГА

Это – плоскость. Это – отмель.
Это – море островов.
Распростертый на ладони
край каналов и коров.

Нам такого одеяла
не сыскать убедноты:
сшиты нитками канала
мелких пастбищ лоскуты.

Ровной местности неброскость,
не вершина, не гряда.
Даже плеск звучит как плоскость.
Просто плоскость и вода.

Никого читать не буду,
ни о чем не стану петь.
Молча вымою посуду,
сяду мультики смотреть.

Нету лучше утешенья
в будни, где меня гнетут
суета и мельтешенье,
безнадежно-честный труд.

Пусть никто меня не помнит
и в герои не зовет.
По экрану кружат пони,
леший песенку поет.

Вэтих сказках без обмана
мне намного легче жить.
Выйдет ежик из тумана,
будем чай с вареньем пить.

Как жили раньше, Боже мой!
Все окна в сад – и настезь.
И не смущала их покой
трель птиц. А нынче – нате ж –

очнется птица за окном –
прибила бы заразу!
Едва заснешь с таким трудом,
чтоб подхватиться сразу,

когда заладит свиристель
в ночи свою руладу...
Ведь завтра снова в карусель,
крутиться до упаду.

Работа-дом-работа-дом.
Да что ж это такое?
Встаешь с трудом, живешь с трудом,
ни воли, ни покоя.

Уже и песен не поешь,
и книжек не читаешь.
И что почти влеса живешь,
в упор не замечаешь.

Стокгольм

PM
PM

Валерий Скобло

Наша база... типа как полигон,
Была на Ладого... хорошее место.
До войны жили финны... но это как сон.
Уже никому и не интересно.

База, собственно, там и теперь,
Но полураспродана, сникла, сжалась.
Точно в берлогу загнанный зверь –
Жить осталось самую малость.

Минуло сорок, а как вчера –
Ног не жалея, здесь все облазил.
Разрушенные финские хутора,
Только фундаменты... Да, не Базель.

Здесь проходила граница стран.
День сегодняшний... день вчерашний...
Финская башня... такой соблазн:
Спьяну лазали на финбашню.

Поселок Черемухин... бухта... лес...
Пионерлагерь (проданный) рядом.
Холодная Ладога... Земли без
Надежды. Это не нужно варягам.

В свои расселины вы приняли певца...

Е. Баратынский

Езжай, Баратынский, в Кюмень,
Не сетуй – все кончится славно.
Финляндии хладная тень
Пусть сердце врачует исправно.

Пускай же с небес снизойдут
Покой и безмолвие Норда
На этот безвестный редут
(Он крепостью числится гордо).

Пленяйся гранитами скал,
Внимай гласу Скальда без лени.
...И если б о будущем знал,
Остался бы в финской Кюмени?

Санкт-Петербурге

ВС

Андрей Кузнецов

*Доктор исторических наук,
декан исторического факультета
Нижегородского государственного университета
им. Н.И. Лобачевского*

«...вряд ли самая захудалая деревня в Швеции была бы худшим городом, нежели сия обитель несчастья»: шведские и финляндские картинки в дневнике Эрстрёма

В 2013 г. впервые в русском переводе был издан дневник Эрика Густава Эрстрёма за 1812–начало 1813 г. В 1809 г. швед по языку и культуре Эрик Густав Эрстрём (1791–1835), уроженец Финляндии, вошедшей в состав Российской империи, стал российским подданным. В 1812 г. он, будучи студентом Абоского университета, получил стипендию от правительства России для учёбы в Московском университете. Так осуществлялось одно из направлений политики инкорпорирования страны Суомив в культурно-языковое, социальное пространство империи. Эрстрём и подобные ему стипендиаты должны были, постигнув глубины русской сло-

весности, способствовать сближению Финляндии и России через распространение русского языка.

Все эти обстоятельства положили начало удивительному путешествию Эрика Густава Эрстрёма. Прибыв весной 1812 г. в Москву, он уже 1 сентября был вынужден ее покинуть вместе с другими студентами университета, чтобы отправиться в эвакуацию, в Нижний Новгород. После пребывания в Нижнем Новгороде Эрстрём со своим земляком и однокашником Карлом Густавом Оттелином вернулись в Або в 1813 г. и там завершили обучение в университете. Именно эта «одиссея» привила любовь и уважение нашего героя к России, к ее жителям.

Живой интерес к русскому языку и культуре, которым дышит «русский» дневник Эрстрёма, способствовал его научным студиям. В 1815 г. он защитил диссертацию о структуре русского языка и стал первым финским русистом. Вместе с Оттелином подготовил ряд учебников по русскому языку, издававшихся в Финляндии до конца XIX в. С 1824 г. по 1826 г. Эрстрём был рукоположен в сан пастора в местечке Танола (юго-западная Финляндия). А с 1826 г. возглавлял евангелическо-лютеранскую

общину Св. Екатерины в Петербурге. В 1829 г. Эрстрём опубликовал труд, посвященный истории шведской и финской общин в Санкт-Петербурге. Из этой книги в обиход вошли термины «финляндский» и «финляндец» (уроженец Финляндии, независимо от языка и национальности). Это важно, поскольку так Эрстрём осмыслил новое положение Финляндии и себя, как ее уроженца, после присоединения к России в 1809 г. Не питая ненависти к новой метрополии, он старательно выстраивал новую этнокультурную идентичность, что отразилось в его дневнике: «Да, я швед и только 6 месяцев нахожусь в России... Моя родина – Новая Финляндия, следовательно, с осени 1809 года я русский подданный» (запись в Нижнем Новгороде от 30 октября 1812 г.). Данное представление выводов Г.М. Коваленко «Эрик Густав Эрстрём» важно для понимания проблемы, затронутой в этой статье.

Привычным стало взыскующее взглядывание в записки иностранных наблюдателей за жизнью той или иной страны в прошлые времена. Действительно, путешественник, дипломат, коммивояжёр, гость выхватывают диковинные детали и нюансы, кажущиеся обыденными и само собой разумеющимися для автохтонов. И в этом записки Эрстрёма весьма и весьма информативны... Здесь можно предложить метафору зеркального отражения: исследователь истории России взглядывается в текст Эрстрёма, чтобы увидеть в нем отражение ее реалий.

Более нетривиальный достигается эффект, когда напротив зеркала ставят другое зеркало. В этом случае возможности изучения окружающего мира возрастают, а наблюдатель, смотрящийся в зеркало, встает по его сторону. Думается, что подобным образом можно использовать и текст Эрстрёма: постигая

Россию конца XVIII – начала XIX вв., можно узреть и шведские, и финские картинки того времени. Правда, автор дневника еще не приблизился к пониманию того, что Финляндия – это уже не Швеция. Это произойдет у него, как мы видели, лишь через 15 лет. И в его дневнике постоянно упоминаются Швеция, шведский в качестве критериев оценки увиденного в России. Например, уставший от дороги из Москвы в городе Судогде (современный районный центр Владимирской области) Эрстрём с раздражением писал: «Как мне описать город Судогду? Вероятно, достаточно будет, если я скажу, что вряд ли самая захудалая деревня в Швеции была бы худшим городом, нежели сия обитель несчастья». Понятно, что «деревня в Швеции» – это поселение в Финляндии. Справедливости ради надо указать, что в 1806 г. в Судогде произошел пожар, уничтоживший почти все строения. Естественно, что через шесть лет Судогде трудно было поразить цветущим видом Эрика Густава Эрстрёма. Зато древний Муром по застройке был соотнесен иностранным студентом с «Нюкарлебу в Финляндии». Этот город, расположенный в Западной Финляндии, и поныне заселен на 90% финскими шведами. После Мурома обоз, в котором был Эрстрём, переправился через Оку и двинулся к Нижнему Новгороду: «Дорога вела нас по красивой местности. Мы то поднимались на пригорки, то опускались в низины, то переправлялись через реку, то шли по деревне, то взбирались на высокий холм, откуда открывалась широкая панорама на Оку и Муром. Погожий день и красота местности послужили причиной того, что ко мне... присоединились еще трое пугников.

– Что за красота повсюду, – говорили они. – Мы такого никогда и не видавали.

– В Финляндии подобное не редкость, – отвечал я».

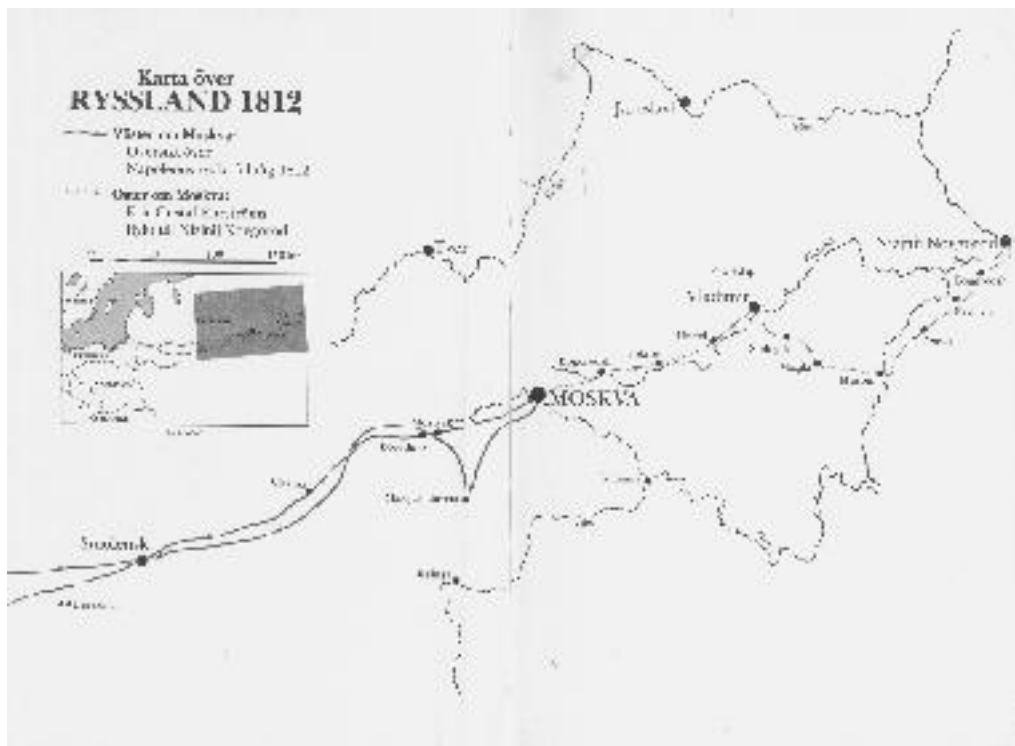
Попытаемся уловить чувства Эрстрёма от воспоминаний о своей Родине – Финляндии как части Швеции – в его путевых заметках из далекой России.

Будучи в Москве, Эрстрём искал наёмков на свою родину. Так, 2 июня 1812 г. он дал на чай старому отставному солдату, побывавшему в шведском плену, за то, что тот сказал несколько шведских слов. Через месяц автор дневника с удовлетворением отметил, что соперник Христиана Винстера по изобретению гидростатической машины (прототипа подводной лодки, правда, одноместной) – некий портной – родом из «Новой Финляндии». Добавим, что сам Винстер, как явствует из комментариев к дневнику Эрстрёма, был учителем гимнастики при «Абовском императорском университете». Успел пообщаться Эрик Густав и со старым книгопечатником из Швеции Сёдербумом, перебравшимся в Москву аж в 1772 г. и сколотившим «целое состояние». Всё-таки шведское начало в 1812 г. куда более важно для Эрстрёма, нежели финское, которое он еще не осознал. Именно через шведские язык и культуру он более тяготеет и проявляет интерес к немцам, которые обосновались в России. Правда, данному утверждению можно противопоставить тезис, что собственно домовитым финнам, бывшим тогда по социальному статусу и образовательному уровню ниже шведов, трудно было бы оказаться в Москве через три года после вхождения в состав Российской империи. И окажись они в России, быть может, автор дневника более подробно говорил бы о них, хотя, судя по страницам дневника, он представлялся шведом. Но все же, будучи уже в Нижнем Новгороде, описывая семейство немецкого аптекаря Эвениуса, Эрстрём отметил: «Они до мозга костей немцы, а шведы и немцы наполовину братья».

Эвениусы, не зная об этой записи, тоже

выразили почтение шведскому происхождению Эрстрёма. Рассказывая о шведских военнопленных 1788 г., Эвениусы подчеркнули их любезность, вежливость и галантность. По этому поводу Эрстрём отметил, что «сколь счастливы были шведские военные в обществе русских дам», контрастом чему было впечатление, произведенное русскими офицерами на финских дам во время русско-шведской войны 1809 г.

Тем не менее, именно через внимание к немецким профессорам Московского университета можно составить мнение о некоторых особенностях жизни университета в Або. Таку студента Эрстрёма смутила логика построения латинских фраз профессора Теобальда Реннера в лекции «*De clementia in animalia, multos eorum morbos avertente*» (запись 2 июля 1812 г.), тогда как другой немецкий профессор (химии) Фердинанд Фридрих Ройсс «читает на хорошей латыни, его легко понять» (запись 17 мая 1812 г.). В рассуждениях Эрстрёма о ботаническом саду Московского университета в Горенках читаются сравнения с ботаническим садом в Абовском университете. Эрстрём и Оттелин направились за 15 км к западу от Москвы, чтобы набрать семян для университета Або. Делами ботанического сада Московского университета заправлял немец Фёдор Богданович Фишер (в 1823 г. заложит самый крупный ботанический сад Европы – в Петербурге). По его словам, ботанический сад в Або «не столь уж богат. Ранее абовский ботанический сад уже получил кое-что отсюда». Эрстрём отметил, что данный сад являлся объектом исследований, отнюдь не учебных, занятий. Студентам туда ход был закрыт, они не могли там собирать гербарии. Очевидно, что ботанический сад Або представлял собой в этом отношении полную противоположность. Зато богатство оранжерей сада в

Маршрут Эрстрёма

Горенках поразила стипендиатов из Новой Швеции: «Вы не можете себе представить богатства растений из различных климатических поясов и частей света, собранных в одном месте. Упомяну только кофейное дерево, сахарный тростник, чайный куст, ананас, различные пальмы и райское дерево». И даже в окрестностях Москвы Эрстрём нашел приметы родины: «... мы увидели *Ammi boerberi* и *Genus Hellenia*, названные в честь нашего замечательного профессора Геллениуса» (запись 7 июля 1812 г.). Как явствует из комментария Г.М. Коваленко, Карл Никлас Геллениус (1745–1820) – ученик Карла Линнея, профессор Абовского университета и директор университетского Ботанического сада, опубликовал каталог лечебных растений Финляндии.

Уже в Нижнем Новгороде, проявляя интерес к девушкам, сидящим у окна,

Эрстрём на их вопрос отвечает, что у него в Швеции девушки тоже проводят время у окна, «чувствуют красоту природы». Ответное взыскующее внимание нижегородцев к Эрстрёму порой принимало курьёзные формы: «Мне пришлось рассказать об управлении и учреждениях Швеции, а также об укладе жизни на моей родине. Меня спросили даже о моей одежде, и когда я сказал, что она сработана в Або, ее внимательно осмотрели и дивились, что в Швеции и Финляндии делают столь похожую одежду, да к тому же на тот манер, что и в России». Удивлялись нижегородки и свободе выбора супруга в Швеции и тому, что шведские женщины используют румяна или белила в редких случаях, чтобы не «менять природную свою прелесть». Напрасно Эрстрём пытался научить нижегородок шведской рождественской игре – «жатве

овса». Из-за того что он не был православным, игра вызвала неприятие.

Наблюдение 11 апреля 1812 г.: «Пение – любимое времяпрепровождение русских. Оно помогает им забыть жизненные трудности, и они охотно занимают им свободное время... Русские мелодии отличают минорные настроения и меланхолия. Их редко поют соло, чаще – целым хором...» – позволяет задуматься об особенностях музыкальной культуры месторождения Эрстрёма.

В Нижнем Новгороде родина Эрстрёма неожиданно напонила о себе. Поручик Ключарёв был в Швеции, Новой Финляндии, во время войны 1809 г. По его словам, он «находился в Гамла в Карлебу вместе с главнокомандующим русской армии Каменским». Эрстрём отвечал «Мой отец живет в Крунобу, в пятнадцати верстах к югу от Гамла Карлебу. Он тамошний пастор. Меня зовут Эрстрём.

– Эрстрём? Мне знакомо это имя! Генерал Каменский жил там. У пастора Эрстрёма был сын, служивший в шведской армии.

– Это я! – ответила».

Из другого дневника Эрстрёма можно узнать, что он, добровольно ушедший шведскую армию, в 1809 г. попал в плен круским и был освобожден тем самым Каменским, незадолго до этого останавливавшегося в доме родителей Эрика Густава.

Правда, по мере приближения Наполеона к Москве проявлять интерес к шведской культуре, говорить не по-русски стало опасным. В записи от 15 августа 1812 г. отмечено: «Как только в толпе слышат нерусскую речь или как кто-то говорит по-русски с акцентом, так сразу возникает опасность, что человека примут за француза. Уже немало людей подверглось на улицах избиению, а некоторых посадили в острог». Через десять дней Эрстрём

убедился в справедливости своего же суждения. Во время посещения смотровой площадки на колокольне Ивана Великого его акцент вызвал подозрения двух москвичей. Уверения, что он не француз, что он «из Або, что в Новой Финляндии», что он – швед, что учится в Московском университете, не помогли Эрстрёму... Лишь когда доморожденные контрразведчики обнаружили, что книга мнимого француза написана по-русски, они отпустили его. Гуляя по Владимиру 9 сентября, швед Эрстрём, дабы не выдать свой иностранный акцент и не вызвать подозрения, грыз на улицах орехи: «если вы когда-либо будете опасаться подозрений, в желании их избежать – грызите орехи». Но даже в этих условиях не за горами ксенофобии Эрстрём посмотрел спектакль на тему шведской истории «Густав Ваза в Даларне», проникнутый патриотическим пафосом, и спектакль, где главным героем был шведский король – «Карл XII в Бендерах». Король Карл XII как символ начала упадка Швеции в борьбе с Россией встречается еще раз на страницах дневника. 11 сентября 1812 г., будучи в Судогде, Эрстрём поведал о своем попутчике: «... гимназист Нелговский... Родом он из Черниговской губернии. Побывав в Полтаве, он видел то место, где произошло сражение между Карлом XII и Петром Великим». В Нижнем Новгороде Эрстрём познакомился с татаринном, который упомянул, что Карл XII был сто лет тому назад с татарами в Бендерах. И этот татарин признал шведов храбрым народом.

В самые тоскливые дни бегства из Москвы поддержку Эрстрём искал в образах близких ему людей: «С опечаленным сердцем бреду я среди тысяч других несчастных беженцев из древней столицы России с едва теплящейся надеждою вновь увидеть вас, друзья мои, или же любезных моих родителей и

сродственников. Взгляд мой тщетно ищет страну, под небом которой вы обретаетесь, но вижу я лишь собственные слёзы». На страницах дневника Эрстрём вспомнил свой рассказ русским простолюдинам о быте крестьян Эстерботнии, и «это сравнение было... целиком в пользу наших соотечественников». О родине Эрстрёму напоминали книги и вещи, взятые им в Россию. Он перечисляет их в связи с утрагами в Москве: окованный железом расписной деревянный сундук, с двумя замками, изготовленный в январе 1812 г. в Кроненбю; пара сапог работы Столя; черный овчинный тулуп – «папина шинель на меху»; пара отцовских пистолетов; сабля, полученная от братьев; книга Линнея о шведской флоре – подарок отца; шведское издание Псалтыри и Евангелия – подарок матери незадолго до отъезда Эрстрёма «из Финляндии»; государственный календарь Финляндии 1811 г.

В московский университет Эрстрём прибыл с целью изучать русский язык, и он даже на пути из Москвы в Нижний Новгород занимался самообразованием. Приведем одно из его наблюдений: «Но русский язык богат и оскорбительными выражениями. В русском языке не встретишь шведских ругательств с тысячами бочек дьяволов, только слово *черт* используется так же, как в шведском. В остальном для русских и шведских ругательств характерны некоторые различия. Швед сравнивает того, кого хочет оскорбить, с ужасным злым духом, который придет и заберет того, о ком идет речь. Русский же обвиняет того, кого хочет оскорбить, в самом отвратительном преступлении, которое только можно себе представить».

Поражала Эрстрёма быстрая переменчивость погоды в Москве: за два часа до наступления грозовой бури в начале июля 1812 г. ее предсказал по туче с северо-востока ректор Московского

университета Гейм. Эта буря, внезапно налетев и поразив тем, что превратила улицы в бурные потоки, быстро уступила место летнему дню. Последствия разгулявшейся стихии – разбитые градом окна (всего 192), 2 убитых молнией человека – позволили Эрстрёму с доверием принять сведения Нижегородского летописца от 1396 г., когда великая буря и страшный вихрь перенесли человека с телегой и лошастью из окрестностей Нижнего Новгорода на левый берег Волги (запись от 9 октября 1812 г.). Наблюдения за непостоянной московской (нижегородской) погодой позволяют утверждать, что для финского наблюдателя метеорообстановка на родине была куда более устойчивой и стабильной. Он ее противопоставлял российской, для которой свойственно: «Погода в Москве меняется из одной крайности в другую. Здесь довольно-таки своеобразный климат. Погодные перемены быстры и неожиданны».

Появившись незадолго до 11 апреля 1812 г. в Москве, Эрстрём отмечает особенности русской кухни, не отличавшейся разнообразием: «За это всякий день мы получаем... русский ржаной хлеб, который обыкновенно есть на столах у всех русских. Этот хлеб вкусен и называется черным»; «Выбор блюд у нас таков: в воскресенье – капуста, мясо, огурцы, в понедельник – мясо, огурцы, капуста, во вторник – огурцы, капуста, мясо, в среду – мясо, огурцы, капуста, в четверг – мясо, капуста, огурцы, в пятницу – капуста, огурцы, мясо, в субботу – огурцы, мясо, капуста. Несмотря на то, что эти блюда чередуются, они нам до того надоели, что аппетит почти пропал. Поэтому для разнообразия мы завели особое четвертое блюдо, а именно молоко!». Отмечая вкус ржаного хлеба, Эрстрём, видимо, давал понять своим соотечественникам, которые должны были

читать затем его строки, что ржаной хлеб, который в диковинку для них, в России является обыденностью, более того, он вкусней, чем тот, который выпекается в бывшей шведской провинции. Или – этот хлеб, вопреки ожиданиям, оказался достаточно вкусным. Ироничное перечисление недельного меню и указание на то, что они чередуются, также свидетельствует о непривычности однообразного рациона русских, у которых молоко достаточно редко оказывалось на столе. Молоко, так нужное уроженцу Финляндии, пришлось заказывать отдельно и за свой счёт.

Уже по дороге из Москвы Эрстрём для соотечественников дал дополнительный экскурс в русскую кухню: «Зеленые щи, любимое блюдо русского народа, готовится их крошенных зеленых листьев капусты, муки и мясного отвара. По желанию добавляется мясо. Если щи готовлены по сем правилам, то они представляют собою вполне здоровую, вкусную и питательную пищу». Через 2 дня – 4 сентября – в городе Покрове, получив те же зеленые щи с тем же чёрным хлебом и отказавшись от них и соленой рыбы с душиком, Эрстрём долго искал привычное ему молоко. Потеряв надежду, он все-таки нашел его у какой-то женщины. По этому поводу автор оставил весьма любопытное замечание: «Молоко с черным хлебом еля с несказанным удовольствием! Если бы только всегда я мог есть такой вкусный и полезный для здоровья хлеб, как русский черный, и пить такое же молоко, как у русских крестьян! Богобоязненные эти люди считают большим грехом разбавлять молоко водой, а затем продавать его за настоящее. В Москве в этом смысле просвещение уже принесло свои плоды, как и у нас, в Швеции, так что в продаваемом молоке пятая часть воды». Но в основном питался Эрстрём зелеными щами, о чем он педантично и с юмором

упоминал: «Если кому-то из вас любопытно узнать, где Густав Андреич Эрстрём сегодня пообедал зелеными щами из воды и травы с черным хлебом, то я могу удовлетворить его любопытство, сказав, что было в замечательном городе Судогде, самом отвратном из всех виденных нами городов!». Позднее в разговоре с нижегородским крестьянином Эрстрём рассказал о рационе шведских крестьян: основной продукт питания – молоко; пшеничный хлеб, мясо, рыба, репа, картофель, горошек. «Когда наш крестьянин отправляется на работу, он обычно берет с собой мешок, в котором лежат хлеб, кусок мяса или сыра, несколько копченых рыб, корочка масла, а также бутылка простокваши».

Вот так, пожалуй, можно представить комплекс впечатлений Эрстрёма о своей отчизне, рожденный его наблюдениями за Россией, которую он хотел полюбить. Эти мысли о родине создают ее образ в русской культуре спустя 200 лет после написания дневника Эрстрёма.

Литература

Коваленко Г.М. Эрик Густав Эрстрём // *Эрстрём Э.Г.* 1812 год. Путешествие из Москвы в Нижний Новгород, 2013. С. 5–18.

Эрик Густав Эрстрём. Для меня и моих друзей // *Эрстрём Э.Г.* 1812 год. Путешествие из Москвы в Нижний Новгород, 2013. С. 28–180.

АК

Евгений Анисимов

Доктор исторических наук, профессор и научный руководитель исторического факультета НИУ-Высшей школы экономики (СПб филиал), главный научный сотрудник Санкт-Петербургского Института истории РАН, профессор истфака Европейского университета в Петербурге. Автор и ведущий телепрограмм «Дворцовые тайны», «Пленницы судьбы» и «Кабинет истории» на телеканале «Культура».

Идея империи при Петре Великом

Многие современные ученые сходятся во мнении с Петром Великим, считавшим, что империя в России существовала задолго до 22 октября 1721 года. Как известно, в тот день с амвона Троицкой церкви в Санкт-Петербурге был провозглашен императорский титул Петра, этим актом Россия стала империей. Точка зрения Петра, относившего начало империи ко временам Ивана III, находит поддержку у ученых, которые исходят из посыла, что империя начинается с того момента, когда нарушается гомогенность национального государственного образования и оно выдвигает свои границы за пределы расселения основной «империобразующей» нации. В таком случае, действительно, можно утверждать, что в России имперский период начинается по крайней мере с 1552 года – со взятия войсками Ивана Грозного Казани, что послужило нача-

лом «собрания земель Золотой Орды», чем с того времени и занялись русские государи от Ивана Грозного до Александра II. В этом они продолжили работу своих предков – великих князей Московских, которые, в свою очередь, с конца XIII века были заняты «сбором русских земель».

Эта концепция уводит нас в безбрежные просторы научной фантазии, ибо не менее смело можно считать, что империя началась за несколько столетий до этого, а именно с того времени, когда славяне, пришедшие на просторы Восточной Европы, начали захватывать земли, принадлежавшие автохтонам – угро-финнам, а тех и других покорили варяги, основавшие то государственное образование, которое долгое время в науке называлось Киевской Русью. (Заметим «в сторону», что нынешнее официальное празднование в России юбилея «1500-летие основания российской государственности» должно поставить окончательную точку в тянувшимся столетиях споре норманнистов и антинорманнистов, закрепив победу первых, хотя думаю, что Кремль в этой ситуации, как и во многих других,

действовал вполне бессознательно.) Но тут уж мы неизбежно скатываемся к идеологическому обоснованию следующего «собрания» – а именно «собрания земель Киевской Руси». Так и оправдывался, в частности, Первый раздел Речи Посполитой в 1772 году.

Но если вернуться к нашей теме и обратить внимание на события начала восемнадцатого века, то очевидно, что империя Петра возникла вследствие реформ, приведших к принципиальной смене в стране системы власти, разрушению традиционных и сбалансированных отношений государя, элиты и сословий. Суть ее состояла в резком переходе от прежней монархии с сильным влиянием сословного представительства к государству с тираническим самодержавием, которое опиралось исключительно на репрессивную, бюрократизированную власть, усиленную западными камералистскими технологиями и разнообразными институциями насилия. В этих условиях стала естественной и смена внешнеполитических идеологов. Империя, и как структура, и как категория практики, стала внешним выражением преобращенной Петром России, ее эманацией.

Смена идеологов внешней политики ярче всего проявляется в репрезентационном курсе, в частности в официальном отказе русского самодержца от титула «царь», а также от «шапки Мономаха» и других атрибутов царской власти. На первый взгляд этот отказ кажется нелогичным, зная единую этимологическую историю терминов «tsar» «czar», «кесарь», «гех», «царь», «император», «Augustus». Однако причины отказа от титула «царь» связаны с тем, что на этот титул ко времени Петра «налипло» уж очень много негативных, «азиатских», «варварских» коннотаций, аллюзий – следов золотоордынского, так и византийского и даже библейского

наследия. Однозначно, что Петру ощущать себя наследником Византии не нравилось, как и сидеть в Шапке Мономаха на берегах Невы. Византийский путь он считал тупиковым, ошибочным, не достойным повторения. Как раз в дни празднования победы над Швецией Петр подчеркивал, что не следует уподобляться Византии: он призывает подданных, получивших мир, «во время того мира роскошми и сладостию покая себя усыпить бы не допустили, экзерцицию или употребление оружия на воде и на земле из рук выпустить, но оно всегда в добром порядке содержали и в том не ослабевали, смотря на примеры других государств, которые через такое незначительство весьма разорились, между которыми приклад Греческого государства, яко с собою единоверных, ради своей осторожности пред очми имели, которое государство оттого и пред турецкое иго пришло...», как и преемник Византии – допетровская Россия, в которой «издревле храбрые люди были, но потом нерадением и слабостию весьма от обучения воинского было отстали». В этом пассаже нельзя не усмотреть, кроме черт примечательного для Петра имперского воображения, переосмысленную в эпоху расцвета рационалистического, картезианского мышления средневековую концепцию падения великого града за грехи его обитателей.

Принципиальное изменение господствующей идеологемы выразилось в том, что Россия Петра повернулась прямо к идейному первоисточнику всех европейских держав – к Римской империи. Петр, проявлявший очевидное стремление к более высокому статусу, мечтал быть не царем в «золотоордынском», «азиатском» (евраизийском) варианте и не мирным (синоним слабости) византийским «кесарем», а «прямым» римским императором. Тем са-

мым, он хотел легитимизации своей власти в новом политическом контексте, надеялся добиться в Европе для себя и России высокой государственной репутации, положительно окрашенной римскими тонами. Не будем забывать, что в сознании людей XVIII века понятия «империя», «империя», «Римская империя» имели весьма положительную коннотацию, была переосмыслена как идеальный государственный образец. Неудивительно, что римскими аллюзиями, намеками, сравнениями перестраивалась идеология петровского царствования. Нельзя не углядеть этого в пышной «римской» символике триумфальных шествий по случаю побед русского оружия, начиная с 1696 года, в штампованных с 1700 года рублях с «римским профилем» Петра, и в символах новой столицы, названной именем святого Петра. Идеолог Петра архиепископ Феофан Прокопович в 1717 году в унисон желаниям верховной власти произнес речь, в которой дважды сравнивал Петра с Августом, которому Сенат поднес титул Отца Отечества, что и произошло с самим Петром четыре года спустя. К этому времени усилилась и инспирированная циркулярами из Петербурга дипломатическая атака российских послов на дворы, при которых они были аккредитованы с целью признания за Петром титула «императора» как нового, отличного от старого, общепризнанного титула «царь». В государственном поведении Петра отчетливо прослеживается стремление к занятию им самим и Россией нового статуса в европейской иерархии государств. Безусловно, что, во-первых, именно великие европейские державы являлись в имперском воображении Петра своеобразной референтной группой, имеющей в мире глобальное превосходство, тогда как евразийский тип империй казался Петру архаичным,

«азиатским», что было в устах Петра равносильно понятию отсталый, неэффективным, «смеху подобный». Именно поэтому признания европейских держав он так упорно добивался. Во-вторых, мало того, он хотел бы занять в этом иерархизированном сообществе особое, привилегированное место одной из двух европейских империй, так сказать расположиться возле Священной Римской империи германской нации. Эти претензии воспринимались на Западе как непомерные, они встречали неудовольствие и обеспокоенность даже союзников России, о чем писали русские дипломаты из-за границы. А в 1717 году, в Амстердаме, в беседе с британскими дипломатами, Петр даже получил щелчок по носу. Когда он посетовал на то, что в верительных грамотах его не называют «императором», то англичане ему ответили, что послания со столь «возвышенными и цветистыми выражениями» посылают обычно только в Турцию, Марокко, Китай «и в другие страны, которым чуждо лоно христианства и обычное ведение корреспонденции», и если он хочет, «чтобы с ним обращались как с другими европейскими государствами», то должен подчиняться европейским нормам («he most conform to European standarts»). Иначе говоря, Петру показали место его страны в мире и дали понять: чтобы стать признанным Европой императором, он должен соответствовать неким образцам, критериям, применимым к цивилизованным, европейским державам. Неудивительно, что долгое время на Европу не действовали такие «убийственные» аргументы, как упоминание титула «император» в грамоте, направленной Ивану III императором Священной Римской империи германской нации Максимилианом I. А как раз Ивана III Петр называет Великим, ибо он «рассыпанное разделением

детей Владимировых Наше Отечество собрал и утвердил». Как видим, по логике мысли Петра, понятия «Великий», «император», «собиратель и утвердитель» находятся в одном семантическом поле и явно переносятся на него, Петра–собирателя «утраченных» после Смуты прибалтийских земель. Неслучайно, к истории с Иваном III как к прецеденту, вернулся во время поднесения Петру в 1721 году титула «император» канцлер Г.И. Головкин.

Так почему же, в конечном счете, титул императора был признан за российским монархом тогдашним мировым сообществом, тогда как раньше, в допетровское время, в Европе никому не приходило в голову признать за Москвой статус «Третьего Рима», о чем хлопотал свое время известный псковский старец Филофей и его последователи? Почему же изменили свое мнение о России британские собеседники Петра (по крайней мере, их ближайшие потомки, признавшие в 1742 году за российским правителем императорский титул)? Причина, конечно, заключена в происшедших осенью 1721 года событиях, ибо Ништадтский мир ознаменовал полную и безусловную победу России над Швецией – несомненной имперской государственной структурой. Мир этот принес России новые территории, он же и стал решающим моментом на пути к провозглашению империи в европейском понимании этого понятия и государственного состояния. Ништадтский договор стал таким «паспортом», свидетельством приобретения Россией статуса имперской державы. С тех пор для России стали характерны следующие основные черты имперского государственной репутации, свойственной и другим великим державам того времени: 1. Территориальная экспансия как постоянная и высшая политическая цель существо-

вания; 2. Культ имперской силы и безусловной гегемонии над соседями; 3. Применение этой силы без очевидных целей обороны. При этом империя порой даже не оправдывалась в агрессии и аннексии, не прибегала к лукавым объяснениям о «необходимости защиты границ», о «превентивных ударах», не твердила о высших мессианских, цивилизаторских целях аннексии. В этом смысле классическим является объяснение захвата и присоединения кимперии шведской провинции Финляндии, данное в 1808 году императором Александром I: «Финляндия присоединена к России по праву завоевания и по жребию битв и не может быть отделена от нее иначе, как силою оружия».

Культ имперской силы должен был наводить страх на соседей государства. И это уже к концу Северной войны было достигнуто. Вице-канцлер Петр Шафиров писал в «Рассуждении о причинах Свейской войны» (1717 г.): «И могу сказать, что никого так не боятся, как нас». Логика, заданная действием имперской силы, вела к закреплению завоеванной гегемонии во что бы то ни стало, даже вопреки естественному стремлению к компромиссу. Мир в имперском воображении не может быть обоюдодоприемлем. Полемизируя с воображаемыми собеседниками, которые якобы убеждали Россию вернуть шведам захваченные в ходе войны территории, вице-канцлер жестко отвечает: «исполняя все то, чего оные опасались и так глубоко им досада, паки себя обнажим, то, подумай, оставят ли они нас в покое, дабы всегда могли нас боятца? Воистину, никаю, не будут (ли) искать того, чтоб так нас разорить, чтоб век впредь (мы) не в состоянии были какие знатные дела чинить. И не только чтоб им нас боятца, но всегда б так над нами быть». К теме неизбежного реванша в случае ослабления победоносной России возвращался

и Феофан. Он говорил, что если бы Россия не победила шведов, то ей «остался бы великий страх от сильного и разорительного Севера».

Именно «страх», «великий страх», воплощенной в сокрушающей противника военной мощи и как следствие – непрерывные победы России и составляет суть имперского воображения Петра. Этот «страх» должен непременно и постоянно регенерироваться у соседей новыми завоеваниями России, ибо, как поучал Петр своего неразумного сына царевича Алексея, византийцы «не от сего ли пропали, что оружие оставили и единым миролюбием своим побеждены и, желая жить в покое, всегда уступали неприятелю, который их покой в нескончаемую работу тиранам отдал». Словом, во имя своей безопасности России не может позволить себе быть мирной и даже «нейтральной». Ну, а если же все-таки мир, то он должен быть обставлен такими условиями, чтобы побежденный противник долго не мог свободно вздохнуть, а лучше был бы заключен в тесный союз с Россией-победительницей, что и продемонстрировал союз с побежденной Швецией в 1724 году.

Уважение через страх – только так, по мысли Петра, и смогла достичь славы и успеха Россия. Феофан говорил в одной из своих проповедей о волшебном эффекте происшедших внешнеполитических перемен «...которые насгнушались яко грубых, ищут усердно братства нашего, которые бесчестили – славят, которые грозили, боятся и трепещут, которые презирали – служить нам не стыдятся, многи в Европе коронованны главы, не точию в союз с Петром... идут доброхотно, но и десная его Величеству давати не имеют за бесчестие, отменили мнение, отменили прежния свои о нас повести, затерли историйки своя древняя, инако и глаголати и

писати начали; под несла главу Россия светлая, красная, сильная, другом любимая, врагом страшная». В сущности, Феофан рисует новую реальность: созданную усилием Петра новую Россию, распрощавшуюся с устаревшим прошлым, с «царством Московским». Теперь ее история пишется как бы заново, в некоей особой *vir*-книге «избранных империй». В новой системе власти и международных отношений титул императора обрекал бывшего русского царя на претензии и борьбу за обладание мировым господством – путь, по которому прошли многие империи. Но, как известно, цель эта не была никогда никем достижима из-за столкновения Российской империи с такими же хищниками, имевшими не меньше, а даже порой большее имперское воображение. В результате этого противостояния достигался баланс сил на мировой арене в борьбы за мировое господство, возникало то неустойчивое равновесие, при котором Россия активно участвовала в сколачивании союзов, формировании блоков, коалиций, азартно вела закулисную борьбу. Но для России Петра все это было впереди. А сразу же после Ништадтского мира и провозглашения империи, вступили в силу ключевые принципы имперской практики: в Петербурге была принята программа строительства огромных, 100-пушечных, кораблей, предназначенных для океанского плавания, был послан отряд для разведки-завоевания Средней Азии, потом начался Персидский поход 1722–1723 гг., занятие, а потом и аннексия западного побережья Каспия, а также двух североиранских провинций, строительство там города Екатериненполя, планы замены в Гиляни и Мазандарана мусульманского населения на право славное (русских и армян), формирование большого оккупационного корпуса. Тогда же

разрабатывались планы сухопутного похода в Индию. Да, без Индии имперского воображения скудно – каждая империя от ассирийской до германского рейха стремится в Индию – обетованную страну всякого колонизатора. Не миновала эта имперская страсть и Петра. В конце жизни, помимо плана сухопутной экспедиции из Гиляна, он готовил эскадру для завоевания Мадагаскара, как базы для броска в Индию. Его последним в жизни актом стал указ о посылке командора Беринга для открытия Северо-восточного пролива. При этом он, скорее всего, руководствовался примерно теми соображениями, какие в свое время были у Изабеллы и Фердинанда при отправлении Колумба. В итоге, Петригигантическим усилием поставил Россию на имперские рельсы и во всем положился на своих преемников. А они, в чем-чем, а уж в этом государя не подвели.

Литература

Бейсингер М. Феномен воспроизводства империи в Евразии // Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма. М., 2010; *Вилинбахов Г. В.* Основание Петербурга и имперская эмблематика // Ученые записки Тартусского университета. Вып. 664. Тарту, 1984; *Воскресенский Н. А.* Законодательные акты Петра I. М.–Л., 1945; *Живов В. М.* Разыскания в области истории и предистории русской культуры М., 2002; *Кателер А.* Россия – многонациональная империя. М., 2000.

ПРЕЗЕНТАЦИЯ
КНИГИ
“НУНУРУНЕИТА”
(«Земля слухом»),
включающая
переводы прозы
авторов Журнала
на финский язык,

состоится в помещении
Института мировых культур
Хельсинкского университета
в сентябре 2013 г.

Следите за объявлением
на нашем сайте:

www.literarus.org

Евгений Хейсканен

А о у
Э М
Л с
ж г
Р м

Путешествие за море

Рассказ

При некотором наличии свободного времени и живости воображения любой может задать интересный вопрос: а столь ли заманчива перспектива для прекрасногодушного русского эмигранта из Хельсинки – морской вояж на Викинг-лайн в Стокгольм? Ведь в столице шведского королевства не растут пальмы и бананы, не перепархивают с ветки на ветку цветастые попугаи, а в пронизанном балтийскими ветрами воздухе почему-то не висит знойная дымка оплавленного южной жарой тропического ландшафта. Даже обезьяны не вырывают сочные куски из рук зазевавшихся посетителей безмянных кафе. Многим шведская природа способна зеркально напомнить финскую, и отсутствие контраста может губительно сказаться на впечатлениях русского туриста, охваченного жаждой неизведанного во весь размах своей широкой иранимой природы.

Однако Герман, молодой, но не до неприличия, житель Хельсинки, как раз отметивший «вторую пятилетку» своего пребывания в Финляндии, думал иначе. Ему, закалённому карельской прохладой

выходцу из Петрозаводска, шведские берега представлялись если и не тропиком Козерога, то, по крайней мере, и не родиной Снежной королевы. А главное – Германа всегда вдохновлял именно Европейский Север, овеванный скандинавской мифологией и славящийся неброской, но мудрой и гармоничной сущностью. К тому же круиз на комфортабельном корабле, затерянном в необъятной по европейским меркам акватории Балтики, погружение в переливчатую даль морских пейзажей с необъяснимым магнетизмом притягивали Германа, ещё недавно грешившего самобытным поэтическим авангардом. Его жена, художник по образованию, до известной степени разделяла взгляды мужа. В конце концов Швеция совсем рядом, и им, людям в расцвете сил, долго не выбравшимся за пределы Финляндии, было бы нелепо не воспользоваться случаем прокатиться за границу.

Кроме того, неудачные в последнее время поиски работы создавали неоднозначность положения Германа в Финляндии, и его переполняло желание освободиться от груза житейских проблем и ностальгических размышлений о собственной нереализованности за границей.

Итак решено. Заблаговременно купленные с приличной скидкой билеты дождались своего часа. В тёплый, но ветреный последний день июля Герман с женой и дочерью, в сопровождении пары увесистых сумок, погрузились на такси и отбыли в морской порт Хельсинки.

Машина понеслась на юг по широкой Туусуланвяуля, что в переводе на русский означает: проспект, идущий на Туусула – небольшой городок к северу от Хельсинкской агломерации, представленной, помимо столицы, ещё двумя столичными пригородами – Эспоо и Вангга.

По дороге к порту в такси разгорелась, но, впрочем, быстро погасла маленькая дискуссия. Кто-то, причём приятно было бы думать, что этим «кто-то» был таксист, а не член семьи Германа, вспомнил слово «Титаник». Реплика получила развитие, и вскоре салон машины огласили такие термины из словаря пловцов и аквалангистов, как «спасательный круг» и «спасательный жилет», а также «искусственное дыхание». На последнем пассажире семья перевела дух, после чего, краснея от стыда, Герман и его жена Лиля стали оживлённо объяснять другу другу достоинства и надёжность современных морских лайнеров, особенно финских, к каковым относился и поджидавший их знаменитый «Викинглайн».

Вскоре в окнах машины замаячили знакомые пасторально-модернистические кварталы полуострова Катаянокка, в русском эквиваленте означающего «Можжевельниковый мыс». Особо густых зарослей можжевельника, существующих разве что в южной части мыса, Герман не заметил, зато по выходе из такси перед глазами его семьи предстал во всей своей красе Успенский кафедральный собор – крупнейший православный храм Финляндии, отливавший гаммой карминно-розовых оттенков в лучах предвечернего солнца. Мысленно обратившись к сиявшим золотом крестам собора, Герман и Лиля перевели взгляд на опромный шестипалубный лайнер с романтическим названием «Габриэлла», тихо стоящий в доке. Несмотря на внушительные размеры, сравнимые с девятиэтажным домом, вроде того, в котором Герман жил когда-то в Петрозаводске, «Габриэлла», с её белоснежными палубами и красными бортами, казалась удивительно пропорциональной и даже ажурной.

Началась посадка, и, поднимаясь в потоке будущих пассажиров по крытой

галерее на борт лайнера, Герман и его семейство были сфотографированы встроенной в стену фотокамерой, предательски запечатлевшей их удивлённые и немного взволнованные лица. «Надо же какие мы всё-таки получились динозавры, – уже не в первый раз насмешливо подумалось Герману. – В кой-то век выбрались прокатиться по морю в соседнее королевство, а раздраз в истомлённых душах будто перед полётом к центру Галактики».

Закончив изучение светлой и довольно вместительной каюты, принявшей в свои объятия оставленные в ней сумки с поклажей, семья Германа поднялась на палубу со стороны кормы, откуда открывался вид с высоты нескольких этажей на приморскую панораму финляндской столицы. Корабль уже отчалил и, набирая скорость, быстро двигался по направлению к Свеаборгу.

Внизу, у блестящей солнечными бликами убегающей воды, проносились маленькие лодочки и катера с машущими на прощание незнакомыми людьми, а сверху на фоне балтийского прозрачно-голубого неба взмывали под облака и падали белыми кометами неутомные чайки.

Германа охватило необыкновенное воодушевление. Со зрением готические флигели и устремлённые ввысь шпили на разноцветных башенках домов, составляющих стройные, в скандинавском «национально-романтическом» стиле, архитектурные конструкции удаляющегося города, он казался себе его продолжением, частью незримого моста, устремлённого в неизвестность будущего.

«Наверное, именно так несколько сотен лет назад бороздили это прохладное и ветреное море викинги, нагруженные серебром, почерпнутым в дремучих лесах легендарной Гардарики, впоследствии ставшей Русью и Россией,

– подумал Герман. – Впрочем, у них не было океанского лайнера с шестью палубами, оснащённого мощным двигателем, навигацией и хотя бы, на худой конец, шведским столом...» Мысль о последнем, вперемешку с сочувствием к бытовой неустраиваемости средневековых норманнов, тут же отозвалась нешуточным приливом аппетита, и Герман решил не терять времени попусту.

Войдя в корабельный ресторан, который и являлся взлелеянным в гастрономических мечтах шведским столом, Герман и Лиля были приятно удивлены как его габаритами, так и нестандартным ассортиментом. Найдя свой столик и заручившись наличием главных орудий труда современного по-европейски цивилизованного человека – вилки, ножа и тарелки, и, разумеется, ложки, – Герман проследовал на поиски деликатесов.

Воздав должное изысканным блюдам из красной рыбы всех возможных вариаций солёного и копчёного, а также великолепно панна котте, особое умиление, Герман испытал, однако, стоя у крантиков автомата разливающего красное и белое вино, лишней раз подтвердив, что такое чудо, как спиртное в розлив, не может не впечатлить вечно ждущего праздника выходца из России. Всё же принадлежа к социальной группе, по старинке именуемой интеллигенцией, Герман в соответствии с традициями своего класса, к сожалению, знал, что краткое слово «мера» означает не только некоторое количество зерна, но и кое-что ещё, абсолютно не признаваемое в кругах наиболее рьяных почитателей зелёного змия.

Выпив, закусив и окончательно разомлев, Герман и Лиля, рассматривая проплывающие за окном ресторана многочисленные шхерные островки, оловяло слушали их болтающую о том

и о сём дочь, как раз закончивую в этом году второй класс финской школы.

Девочка уже хорошо говорила по-фински и, буквально пару месяцев назад как-то раз случайно услышав её телефонный разговор с подругами по громкой связи, Герман осознал, что является ископаемым мастодонтом, так как не понял практически ничего из сказанного, хоть и посещал в своё время исправно курсы финского языка в училище для взрослых. «Ничего, это же сленг, поэтому я их и не понял, – утешил он себя тогда. – Порядочному и образованному взрослому человеку сленг противопоказан».

Близился вечер. Побродив с семьёй по кораблю, Герман проводил своих уставших дам в каюту, а сам решил ещё раз выйти на палубу. Косые лучи заходящего солнца стлались почти параллельно беспредельной морской глади. Редкие облачка в синем омуте над головой отливали сусальным золотом, контрастируя с тёмным в противоположной стороне от солнца горизонтом. Герману захотелось подняться повыше. Привычно радуясь силе по-прежнему ещё молодых мускулов, он быстро преодолел лестничные пролёты между несколькими палубами и очутился на самой верхней из них. Стремительный поток плотного воздуха упруго ударил ему в лицо. Здесь, на высоте, ветер, не стеснённый никакими преградами, гудел и бился, как живое существо, и Герман, объятый с двух сторон синевой неба и воды, замер в немом восторге, поражённый открывшейся ему картиной. Белый корабль плавно, но неумолимо разрезал острым форштевнем кипящие в водоворотах волны, разбрасывая в стороны ошметки пены. Круглое и уже не яркое, как позолоченный маятник на старинных часах, солнце – этот вечный маяк всех земных пространств – висело где-то у

края мира, отбрасывая к лайнеру исчерченную волнами и дырчатую, будто деревянное решето, волнующую дорожку. Темнеющая панорама Балтийского моря и северного неба – погружённых друг в друга отражений – медленно смещалась согласно движению корабля, так что неподвижным казался именно он на фоне последних лучей уходящего дня и галактического вращения зажигающихся звёзд.

Словно очнувшись от забытья, Герман спустился в каюту и, отхлебнув остывшего чая из звякнувшей недорогим фарфором кружки, лёг на койку, вполне способную напомнить настоящую кровать. Прислушавшись к дыханию спящих жены и дочери, он, не ворочаясь, заснул.

Какой-то скрежещущий звук давил на уши и назойливо проникал в сознание. Вскоре к нему стали примешиваться женские причитания и непонятная возня у кровати. Сон, не в силах бороться далее, отступил, и Герман проснулся. Рывком сев на койке, он увидел Лилу, усердно надувавшую заблаговременно купленный в промтоварном магазине и взятый с собой спасательный круг. Второй, уже надутый, лежал на полу. За иллюминатором в черноте скрежетало и выло. Часы показывали три часа ночи.

– Ты слышишь?! – воскликнула Лиля, осилив наконец похожий на не в меру округлившийся бублик пластиковый агрегат с дыркой посередине – детище финляндской резиновой промышленности.

– Да, слышу ещё как, только что это? – недоумевая, вопросом на вопрос ответил он.

– Не знаю, но мне не по себе...

– Брось, это просто наш лайнер фрахтуется в Марианхамине, – начиная сообщать, сказал Герман. – Мы дошли до Аландских островов. На родном и близком для нас финском – Ахвенанмаа.

Не знаю как здесь с окунями, но шума много¹. А ты, я смотрю, хорошо подготовилась. Сработано чётко и оперативно. Никако й девятый вал нас уже не смочит, – покусился он на надутые крути.

Лила улыбнулась. Ирония Германа передалась и ей, она уже была готова посмеяться над своими страхами.

– Я времени в отличие от тебя не теряла, – ответила она.

– Молодец. Но, по-моему, наш Ноев ковчег ещё далёк от Арарата, а ещё дальше – от погружения на дно, хоть оно здесь и рядом, ведь мы же у доков.

Выпив растворимого кофе, от которого Герман обычно хорошо засыпал и, съев по бутерброду, они улеглись в ожидании утра, сулящего им подарок в виде шведской столицы.

Морские подступы к Стокгольму представляют собой длинный, постепенно сужающийся фьорд, извилисто петляющий между живописными и сравнительно невысокими берегами, что отличает их от суровых норвежских скал, расположенных на другой стороне Скандинавского полуострова и устремлённых ввысь на несколько сотен метров. Кривая воронка фьорда, напоминающего вытянутый и погнувшийся под молотом неумелого кузнеца меч, остриём указывающий на сердце Швеции, простирается в длину на добрых 60 километров.

Радуясь погожему дню, Герман и компания вышли на палубу. Зрелое лето было ещё в разгаре, и горячие лучи дневного светила заливали зелёно-голубые от обилия лесов и воды окрестности. Свежий, продуваемый вдоль и поперёк ветрами воздух был пропитан запахом солёной воды и водорослей.

Благостное настроение Германа, размышлявшего о том, сколько полезных ионов содержится в кубометре приморской атмосферы, нарушил какой-то

прошедший в трёх-четырёх шагах от него похожий на папуаса нахальный юнец, лет семнадцати, с лихостью плюнувший с палубы в ультрамарин скандинавской воды.

– Это Ди Каприо научил всех плевать, – с раздражением сказал Герман Лиле. – Хорошо помню, как он это делал в «Титанике». Вот тот и затонул – от огорчения.

– Ди Каприо, можно сказать, нас подружил. Забыл, что наш первый поход в кино был на фильм с его участием? – улыбнулась Лила.

– Верно, – краем губ усмехнулся Герман. – Ну, тогда это святое. Жаль, что его здесь нет. Давно хочу пожать ему руку, да всё никак не пересечёмся.

– Ничего, всё ещё впереди, ищите и обрящете, – обнадежила его супруга, рассматривая появившиеся вдаль нагромождения разнокалиберных белых кубов и треугольников. – Похоже, мы уже видим кварталы Стокгольма, глянька, Герман!

– Отсель грозить мы будем шведу... Что бы почувствовал Пётр Первый, доведись ему после Полтавы вот также смотреть на жемчужину шведской короны? Так сказать, в упор? – со смехом сказал Герман.

– Наверное, такую же радость, какую испытываю и я, – сказала Лила. – Пойдём в каюту, соберём вещи. Нужно будет в Стокгольме успеть как можно больше! Ты же знаешь, у нас всего один день.

Выгрузка прошла без сучка и задоринки, и уже через полчаса Герман с семьёй стояли на тротуаре, как и в финских городах, разделённом белой линией на пешеходную и велосипедную половины. Как известно, интернациональная коммунистическая мечта об отмене денег не увенчалась в своё время успехом, и в мире торжествующего всеобщего эквивалента обмен валюты

продолжал играть видную роль. Поэтому первой фразой Германа, адресованной шведскому обществу, был вопрос о месторасположении ближайшего банка. Общество оказалось представлено молодой и светловолосой, как и полагается уроженке Европейского Севера, продавщицей из портового ларька.

–Tell me, please, where is the nearest bank?² – по-возможности непринуждённо осведомился у неё Герман. Зная английские слова, но привыкнув в Финляндии изъясняться по-фински, он почувствовал, что его язык без особой охоты воссоздаёт британское произношение.

В ответ шведка, абсолютно не оправдав штамп о скандинавской неразговорчивости, ответила на вопрос настолько подробно, что самым понятным из её объяснений для Германа оказался жест рукой, махнувшей по направлению белой линии в сторону видневшихся вдали за парковой аллеей зданий.

–Так, всё понятно, – сообщил Герман ожидавшим его жене и дочери и повторил жест продавщицы. – Нам туда. Эта линия не что иное как нить Ариадны и с пути мы не собьёмся.

После примерно получаса ходьбы они оказались в центре города, и Герман немедленно поймал у оживлённого перекрёстка подвернувшегося шведа, судя по цвету лица, водившего близкую дружбу с горячительными напитками, повторил коронный вопрос о банке. На сей раз, рука жителя Скандинавии упёрлась практически в стену, и Герман с Лилой обнаружили себя стоящими перед вывеской Handelsbanken³.

–Кстати, ты здорово говоришь по-английски, – с восхищением сказала Ли́ла Герману уже на улице после свершения таинства валютного обмена.

–Ты не шутишь? – недоверчиво поинтересовался Герман. – Видишь ли, у

меня язык больше ориентирован на чтение, чем на разговор. Так уж случилось у преданного тебе научного работника. Тем более, в Финляндии я занят тренировкой и исключительно финской артикуляции.

–Не оправдывайся, – Ли́ла серьёзно посмотрела на мужа и ласково улыбнулась. – Ведь я по-английски знаю только «привет», «пока» и «деньги». А с тобой не пропадёшь!

–Папочка молодец, – подхватила дочь. – Ну и куда мы теперь? Может в кукольный дом, где всё про Астрид Линдгрэн, как мама говорила?

–Да, мы пойдём туда. Это место называется Юнибакен, музей сказок Астрид Линдгрэн, – ответила Ли́ла. – Правда, он на острове Юргорден, но туда наверняка ведёт какой-нибудь мост. Я читала, что Юргорден часть городского центра Стокгольма.

–Судя по карте, это недалеко, – весомо отозвался ещё не отошедший от прилива гордости по поводу своего английского Герман.

Пройдя минут двадцать по широкой аллее, они подошли к острову. Здание музея, окружённое многочисленными кафе и ресторанчиками, бросалось в глаза размерами, и, заметив его, вся семья устремилась в объятия скандинавской сказки. Рассмотрев на площади Сказок её кукольных героев и заново познакомившись с Муми-Тролями, Пеппи Длинным Чулком и мальчиком Альфонсом Обергом, Герман и Ли́ла решили прокатить дочь на сказочном поезде, отправляющемся от станции Виммербю в декорированный мир скандинавского зазеркалья, созданного воображением знаменитой писательницы и дизайнерским талантом шведских мастеров, соорудивших удивительный сказочный аттракцион.

Маленький поезд двигался медленно. Он то поднимался вверх к покрытому

вполне натуральными сталактитами потолка, то, мягко имитируя американские горки, устремлялся вниз, в темноту, где из-за очередного поворота вдруг выплывала освещённая прозрачным светом компания лесных троллей или насмешливая физиономия Карлсона, должно быть спешащего подбигна новые проказы доверчивого Мальшиа.

Спутницы Германа были в полном восторге. Да и сам он, даже не ожидая этого от себя, попал под впечатление от увиденного. Однако эмоции, охватившие его, оказались другими. Воспоминания о детстве, смутные прёзы об ушедшей юности и несостоявшихся надеждах, образ мамы, покинувшей этот мир несколько лет назад, – пёстрым караваном двигались в его мозгу. На выходе из поезда ему стало грустно: реальность человеческого бытия, всегда немного чужая и непредсказуемая, вновь вставала перед глазами. «Узнаю тебя, жизнь! Принимаю! И приветствую звоном щита!» – вдруг невпопад пришли на ум блоковские строки. Однако тоска по матери, давшей ему так много и привившей любовь к русскому языку, мысль о безработице, затянувшейся после полуторогодового исследовательского контракта с Хельсинкским университетом, и чувство одиночества, особенно заметное среди окружающих незнакомых людей, рождали в сознании несколько иную картину. Он вспомнил о престарелом отце, одиноко живущем после смерти мамы в Ванта, и не захотевшим стеснять своим присутствием семью Германа, несмотря на его уговоры. Страх за отца, исключительно дорогого и близкого для Германа, сразу же заставил учащённо забиться его сердце. Он немедленно набрал номер на мобильнике, затаённо прислушиваясь к долгим гудкам. Больше всего в жизни он боялся, что в

один страшный день гудки не сменятся таким знакомым спокойным и жизне-радостным голосом, и мрачная тишина возвестит о новой невосполнимой потере. «Зачем же мы живём? Чтобы переживать уход из жизни близких людей, а затем умереть и самим? – в сотый раз спрашивал он себя. – Причём, в отличие от животных, мы явственно осознаём собственную обречённость, а это ещё тяжелее».

– Всё в порядочке, не волнуйся, – в своей непередаваемо обаятельной манере бодро ответил отец Германа на его беспокойный вопрос о самочувствии. – Как вы там?

– Всё отлично, папа. Вояж проходит по плану. Только что посетили музей сказок, теперь двинемся на осмотр архитектурных достопримечательностей. Как твоя статья с американским коллегой?

– Близка к завершению. – По тону сказанного Герман понял, что отец доволен. Доктор геолого-минералогических наук, он и на пенсии продолжал заниматься любимой наукой и совместно со своим другом – профессором Университета Миннесоты в Дулуте – готовил к печати новую статью о древнейшем геологическом прошлом нашей планеты.

Разговор с отцом, как это обычно и бывало, успокоил Германа, вновь увидевшего очарование богатого на краски летнего дня. На обратной к кораблю дороге, проходившей вдоль морского побережья, Герман с семейством, упоённо вдыхая балтийский воздух, увидели сравнительно невысокое, но сразу поразившее мощью архитектурного неоклассицизма здание – дворец шведских королей. Основанный в 13 веке Биргером Ярлом, тем самым, что потерпел поражение в знаменитой битве от Александра Невского, дворец вмещает 608 комнат,

лидируя по этому показателю среди резиденций венценосных особ по всему миру.

Словно в противоположность дворцовому размаху, Герману и его спутникам попадались на пути сжатые готическими кварталами улицы, на одной из которых явно не смогли бы разойтись два в меру упитанных взрослых индивидуума.

Двигаясь в негустой толпе и боясь опоздать на отчаливающий через два часа корабль, Герман попросил одного прохожего – пожилого, интеллигентного вида шведа – показать им более короткую дорогу к порту. Старик с готовностью согласился и не только объяснил как идти, но даже проводил семью Германа до площади, откуда были видны корабельные доки. Доброжелательность шведов приятно радовала, и на секунду Герману показалось, что он не приезжий турист, а давно живущий здесь житель города.

В целом урбанистический вернисаж Стокгольма, с его готическими церквями, домами в духе скандинавского модерна и классическими дворцами, широкими автомобильными проспектами и узенькими средневековыми улочками, музеями и почти античными статуями, удивительно гармонировал с окружающим скандинавским пространством гранитных берегов, поросших берёзово-сосновыми лесами и охваченных морской синью. Город, вопреки мнению некоторых скептиков, имел своё неповторимое лицо и, слегка напоминая как Хельсинки, так и Санкт-Петербург, всё же заметно отличался от них, выделяясь по-шведски невычурным мягким королевским антуражем.

Быстро пролетел день, посвящённый Стокгольму, и впереди семью финских туристов снова ожидал путь через море обратно на их благоприобретённую новую родину – в Финляндию. Отдав

швартовый, огромный лайнер плавно двинулся навстречу уже знакомым балтийским ветрам. Отдохнув в кафе и полюбовавшись на панораму вечеряющего стокгольмского залива, Герман и Лиля, наполненные впечатлениями заморского путешествия, окунулись в каюте в недолгий, но глубокий и без сновидений сон, а корабль, унося уставших пассажиров, белой торпедой продолжал бороздить освещённую мерцанием Млечного Пути чернильную пустоту скандинавского ночного простора.

Утром первого августа, встав и позавтракав, Герман услышал от Лилы неожиданную новость:

–Представляешь, вчера случайно вспомнила – сегодня ведь должно быть солнечное затмение. Угораздило же нас попасть в такой день в самую середину Балтийского моря! Страшновато...

–Как затмение? – впадая в лёгкий транс, пробормотал Герман. Он знал, что жена способна удивлять его, но не до такой же степени!

–Ну да, оно скоро начнётся. Луна, видишь ли, иногда встаёт между нами и Солнцем и сегодня как раз такой случай. Ты бы допил кофе.

–На палубу, – едва выдавил из себя Герман. – Быстрее!

Увидеть солнечное затмение, да ещё в открытом море – об этом они мечтать не мог. Не дожидаясь жены, застрявшей, как водится у представительниц слабого пола, за косметическими процедурами, Герман выскочил на палубу.

День выдался погожий, но тончайшая облачная пелена от края до края покрывала небо, в котором мягким матовым блеском осливал солнечный диск. Вскоре Герман услышал лёгкие шаги и увидел жену и дочь, спешащих к нему.

–Забыла сказать, затмение вроде бы не полное, – сообщила Лила.

–Всё равно интересно! Нам здорово

повезло, ведь благодаря облачному покрову можно спокойно смотреть на светило, не боясь ослепнуть.

– Папочка, а солнце далеко от нас? – прозвенел детский голосок.

– Трудно вообразить насколько! – с энтузиазмом отозвался Герман, почувствовавший возможность блеснуть эрудицией. – Сто пятьдесят миллионов километров. Это длиннее, чем три тысячи сложенных друг с другом земных экваторов.

– А оно большое? Я в школе слышала, что крупнее Земли.

– Да, дорогая. Оно гигантское, в сто раз больше по диаметру, чем наша планета. Ты ведь знаешь, что такое диаметр? – Дочь утвердительно кивнула.

– Надо же, а по нему всего этого не скажешь, – с удивлением заметила она, смешно прищурив глаза и взглянув на раскалённый, что ощущалось даже сквозь облака, мистический круг. – Вон, смотрите! Наверное, начинается!

Не сразу замеченный людьми полупрозрачный лунный диск медленно подошёл к бушующей светом солнечной короне. На какой-то жутковатый миг показалось, что они сейчас столкнутся, но разделённые громадной протяжённостью астрономической единицы⁴, два диска визуально сблизились и начали спокойно объединяться в некое целое. В месте их соприкосновения образовалось полукружие стремительно растущей черноты.

Подул прохладный ветер и тёмно-зелёная полоса, бегущая от горизонта, захлестнула изумрудными всполохами густую синеву вздыбленного волнами моря.

Словно аккомпанируя развитию затмения, память Германа стала входить в незнакомый ранее фантастический вираж. Вот он, маленький четырёхлетний мальчик, поднимается вместе с родителями по длиннейшей каменной

лестнице на гору древнего понтийского царя Митридата Великого в дышащей крымским зноем Керчи. На высокой горе дует ветер, и, поражённый величественной панорамой морских далей, маленький Герман возможно впервые в жизни открывает для себя неисповедимое величие беспредельного мира. Вот он, одиннадцатилетний пацан, почти вундеркинд, умеющий писать уравнения ядерных реакций, приносит домой поражённым родителям победу со школьной шахматной олимпиады «Белая ладья». Летит время, студенческие годы проносятся в безумных стремнинах лихих девяностых, отнявшие старую родину – Советский Союз и подарившие аж две новых – Россию, а потом и Финляндию, где Герман постоянно и упорно искал себя, переходя от разочарования к надежде. И вот он – интеллигент в эмиграции, научный сотрудник с непостоянной работой и массой философских и научных идей, требующих реализации. И вот он – сын, потерявший любимую мать, которую не сумели спасти финские врачи, сын своего отца, подспудный страх за одинокую жизнь которого не даёт покоя, заставляя просыпаться с бьющимся сердцем посреди безмолвия финляндской ночи. Запутанное прошлое и неопределённое будущее – частые спутники эмигрантской судьбы затерянного между двумя цивилизациями человека, будто затянувшееся солнечное затмение, влекли Германа от очередной неизвестности к новой надежде.

В момент кульминации соединения солнца и луны, когда померкнувший день утонул в чёрно-белых отсветах подступивших сумерек, Герман подумал: только осознав ценность собственной жизни, мы можем желать изменений к лучшему в ней. Как сказал Эдуард Бернштейн: движение всё – конечная

цель ничто. Жизнь есть основа и смысл самой себя, и в мире нет более высокого смысла. Во всяком случае, в нашем привычном мире, ведь мы не знаем кто и что такое Бог, хотя очень нуждаемся в вере в Него. «Я всё отдам за жизнь, мне так нужна забота, и спичка серная меня согреть смогла» – сейчас готов был бы подписаться под словами Осипа Мандельштама стоящий у поручней верхней палубы молодой путешественник из Хельсинки в Стокгольм.

Несмотря на неудачи и разрушенные ожидания, несмотря на краткость переходящего человеческого бытия, несмотря ни на что – жить и любить. И если эта вера не что иное, как иллюзия, то она, по крайней мере, красива, а уж если верить – то верить в прекрасное.

Луна уходила, и вернувшийся день опять вступал в свои права. В глазах стоявших рядом людей отражалось серое северное небо, постепенно очищающееся от гонимых западным ветром туч. Переглянувшись с Лилой, Герман почувствовал в своей руке маленькую ладошку дочери. Мы, наследники наших родителей, продолжаемся в детях, в культуре, в сфере

наших свершений и в мечтах о них. И этому нет конца.

На горизонте показались крепостные сооружения Свеаборга. Сказка с путешествием за море и солнечным затмением, столь неожиданно просветившем сознание, приближалась к финалу. Впереди ждала реальная жизнь с её радостями и потерями, но ведь на то мы и люди, чтобы пройти свой путь.

Примечания.

¹ Окунёвые острова (финск.).

² Скажите, пожалуйста, где здесь ближайший банк? (англ.).

³ Торговый банк (шведск.).

⁴ Астрономическая единица – расстояние от Земли до Солнца, около 150 миллионов км.

Хельсинки, май 2013

EX

Юлия Лалуа

Рассказики

СКАЗКИ

– Ну что, читаем сказку – и спать?

Мой сынишка забирается в постель и согласно кивает.

– Только сначала ты мне считаешь чуть-чуть по-французски из твоей книжки про невоспитанную кудряшку «Златовласка и три медведя», а потом я тебе читаю по-русски «Лоскутик и облако».

«...Златовласка открыла дверь и вошла. На столе стояли три чашки с кашей: большая, средняя и маленькая. Златовласка очень обрадовалась, увидев на столе готовый завтрак. Если бы она была послушной маленькой девочкой,

она бы подождала трех медведей. Они бы, наверное, припасили ее позавтракать, потому что это были хорошие медведи, немного ворчливые, как все медведи, но приятные и приветливые...».

Постойте-ка, что-то я не припомню этого кургузно-назидательного пассажа из моего русского детства. Лезу в сборник сказок, нахожу «Трех медведей» в переложении Л. Н. Толстого, сравниваю с другой «народной» из русской книжки-мальшки.

Вобоих вариантах просто девочка, или Маша, входит без спроса в домик, ковыряется в чужой каше и ломает стульчик. Медведи, возвратившись, понятно, режут и рычат «страшным голосом» или «не так громко». В конце концов в спальне наш Мишутка даже «завизжал так, как будто его режут». Ага, «он хотел ее укусить». Так, дальше Маша, проснувшись и очень испугавшись, выпрыгнула в окно. И «медведи не догнали ее». Значит, пытались-таки! Вот.

– Ну ладно, теперь все ясно. Говорят, что эта сказка вообще-то английская. Читай дальше по-французски, а для себя буду сравнивать.

«...Кто-то ел мою кашу», – сказал большой медведь своим грубым голосом. «Кто-то ел мою кашу», – сказал средний медведь своим средним голосом. «Кто-то ел мою кашу и всю ее съел», – сказал медвежонок своим тоненьким голосом».

Ага, ну-ну, никто не ревел и не рычал... Просто констатировали факт. Каждый использовал тембр отведенного природой голоса. Так же по-французски интеллигентно-спокойно они отметили поломку стульчика, а когда поднялись в спальню, медвежонок подошел к своей кровати и увидел, что его подушка

лежит на месте, но «на подушке покоится голова Златовласки, которая как раз и не на своем месте, поскольку ей-то здесь нечего делать».

Закономерный вывод законопослушного общества!..

«...Кто-то улегся в мою кровать и спит здесь!» – сказал медвежонок своим тоненьким голосом.

Просто сказал. Не визжал и не кусался... А дальше, по автору, грубый голос большого медведя показался Златовласке во сне только завыванием ветра. Средний голос среднего медведя – просто голосом, услышанным во сне. «Но когда она услышала тоненький голосок медвежонка, здесь она резко проснулась».

Вот она, СОВЕСТЬ!

Дальше – испугалась, выскочила в окно.

И, конечно, даже после всего случившегося, как всегда кургуазно, по-европейски, никто за ней не бросился в погоню...

Просто «три медведя никогда больше не видели ее»...

ОТСЧЁТ ПОШЕЛ!

Они незабываемы. Безусловно неминуемы ни при каких обстоятельствах! Французские сезонные распродажи-сольды. Пять зимних недель, со второй среды января, сразу после рождественского потребительского бума, и пять недель летом, выпадающих на конец июня и весь июль. И хоть не для всех это «шоппинг» (с французским ударением на последнем слоге) столичных «soldes», но под два регламентированных фран-

цузской политикой периода в любом городе, в той или иной степени подстраивается в своем бюджетном планировании каждая семья.

О, они наступают! Я чувствую их приближение! Не надо припадать ухом к земле, неслышный топот ног, шелест скидочных этикеток и скрип касс, выбивающих самые длинные в годучеки, уже здесь. За месяц-полтора до официального начала все это витает в воздухе. Волнение продавцов, у которых начинается самая интенсивная рабочая пора. Внимательные расчеты директоров магазинов: выбор стратегии сбыта, ставки на успешность операции. И сонм умноженных на бесконечность желаний. Как пчелиный рой, он пока еще виртуально копошится в улье. Но закон нетерпелив! Как хочет вырваться наружу и нестись по направлению заветных бутиков, хвататься за вешалки и коробки, выстраиваться у занавесок очереди в примерочную, подспудно выискивать в толпе конкурентов на идентичный размер. Каталоги интернет-магазинов со скидками до 75 процентов, недельная распродажа в центре города с афишами типа «Вторая пара обуви за полцены», «От 20% до 50% на подборку товаров» – вот они, предвестники бури, шторма, потребительского «надо» и еще более сильного «хочу!».

Все на местах? Пристегните ремни! Начинаем отсчет! Десять, девять, восемь... За неделю до начала сольдов в выходные дни город вдруг просыпается не к обеду, а в восемь утра. Оживают центральные улицы, исчезают обычно свободные места для стоянки машин. Воздух жужжит. Людской поток вливается в открытые настежь двери, как вода в сообщающиеся сосуды. Никто ничего не спрашивает и не покупает. «Люди входят и выходят, продвигаются вперед». Повсеместные пеленгация и

разведка происходят в собранной суете, а продавцы даже не пытаются советовать. Они отрешенно степлером пристегивают к рядам прет-а-порте пустые еще этикетки и берегут силы для отражения готовящегося взятия прилавков. Семь, шесть, пять, четыре... За день до начала некоторые магазины вывешивают объявления: «Закрыто для публики в порядке исключения. Извините за неудобство». Витрины уже замазаны белой краской, заставлены листами картона, закрыты железными решетками. Невидение подогревает азарт. Что там делается? Брезжит электрический свет. Работники вершат последние приготовления. Ставят таинственные цифры фломастером на этикетках. В точках продаж, что остаются открытыми, манекены раздеты и опоясаны почетными лентами «Soldes! Tout doit disparaître!» («Распродажа! Все должно быть раскуплено!»), с потолка спускаются, развиваясь, плакаты с разноцветными кружками – это список условных обозначений новых цен и правила завтрашней игры. Иногда продавец уже сможет поведать, будет ли «скинуто» на интересующий вас товар. Три, два, один... Пуск!

Ох, как неудовлетворенно чувствуют себя в первую среду летних сольдов все те, кто превратностью судьбы обречен оставаться на рабочем месте! И в первый четверг! И в первую пятницу! Мыслями они уже там, где процесс пошел и их неработающие собратья, уже «разогревают кредитную карту», как говорят французы. В перспективе у многих обеденный перерывили целевой вечерний прорыв, и, конечно, вся первая суббота...

После начального шквала на пару недель установится новый оживленный, но уже не штурмовой ритм. Ажиотаж спадет, потом вернется волнами во время повторных дополнительных и

конечных – самых крупных скидочных акций.

Новая коллекция постепенно начнет теснить распродажу, играя свежими красками и особой, рассчитанной тщательностью презентации, контрастирующей с базарным беспорядком непроданных остатков.

...У школьников в конце июня начнутся летние каникулы. У родителей – отпуска. Город снова остепенится. Оденутся манекены, с витрин исчезнут кричащие красно-белые вывески.

И все приобретет свой обычный, размеренный вид.

До следующего витка...

Лимож, Франция

ЮЛ

Helsingin kaupunki

Знаете ли вы Хельсинки?

Даже если Вы знаете

об истории Хельсинки всё, обязательно посетите Городской музей (Kaupungin museo). Вы совершите увлекательную и познавательную прогулку по истории столицы Финляндии. Главное здание музея находится в центре, на одной из самых элегантных улиц, выходящих на Сенатскую площадь, – Sofiankatu. Название улицы написано на трех языках: русском (старая орфография), финском, шведском.

Кроме Главного здания, в котором расположена постоянная экспозиция «Горизонты Хельсинки» («Helsinki Horizons»), рассказывающая о развитии города Хельсинки на протяжении 450 лет – от небольшого поселения до столицы страны, – в структуру музея входят еще Дом Седерхольма, Дом Бюргера, Вилла Хакасалми, Музей электростанции, Школьный музей, Музей трамвая, Музей усадьбы Туомаринкюля, Детский музей, Музей жилища рабочих.

Идея основания музея родилась в начале 20 века, и датой его основания считается 1911 год. В то время город активно перестраивался, и было принято решение фиксировать все изменения, которые происходили в его облике, чтобы сохранить память о том, что будет впоследствии реконструировано или снесено.

Вначале музей располагался на вилле Хакасалми и переехал в историческое здание на улице Софианкату, построенное по проекту известного архитектора, представителя эпохи финского национального романтизма Ларса Сонка, лишь в 1994–95 годах.

Это надо увидеть! Тому, как сохраняется в Финляндии историческая память, можно только позавидовать. В музее собраны фотографии снесенных зданий и изменившихся панорам районов Хельсинки, карты, чертежи, рисунки, фрагменты отделки снесенных зданий, старинные вещи, предметы быта, одежда.

Экспозиция «Горизонты Хельсинки» освещает жизнь города в трех исторических эпохах истории Финляндии. Основные темы: Хельсинки как морской порт, Хельсинки как промышленный центр, Хельсинки как столица Финляндии, а также культура и образ жизни Хельсинки.

Адрес:
Sofiankatu 4
00170 Helsinki
Работает:
пн. – ср.,
пт. 9–17,
чт. 9–19,
сб. – вс. 11–17
Вход всегда
бесплатный.

Фото: LiteraruS

HELSINGFORS STADSMUSEUM

Museokauppa

Стихи молодых авторов

Алена Раси

ЭВОЛЮЦИЯ

На луну все чаще воюю
Обрастаю чешуею
Осторожно, тише, ниже...
Занимаю эту нишу.

Посещаю норы, щели,
Меж хвощей ищу пещеры,
Чу, моей слезой омыты
Исчезают стологмиты

Уничтожив члены чинно,
Кто я – Женщина? Мужчина?
Очищаюсь молчаливо,
Завтра я проснусь счастливой.

Мы с тобою – одно существо:
И мужчина, и женщина сразу...
Обрегая свое естество,
Мы взрослеем по лунным фазам.

Мы с тобою – одно божество:
Мысли святы, а мощи нетленны.
Нас, однажды, распнет большинство,
Мы – создатели этой Вселенной.

Время вынимать брёвна
из глаз.
Время вытрясать души
из шкур.
Время приносить жертвы
Ишгар.
Время написать сагу
о нас.

Время выходить в мир
из нор
Вынять голову
из песка
На газетный медиа-вздор
Пальцем покрутить у
виска.

Время собирать камни
эпох.
Время выбирать новых
вождей.
Отдавать последний свой
Вздох,
Лишь за пару смелых идей.

ГРЕХОПАДЕНИЕГ

Прежде чем первые тучи
отяжелеют,
разгуляются тысячью капель,
небрежно коснутся
асфальта,
Это свершится...

До того как луч света
пройдет стратосферу,
жадно врежется в лица,
преломится в стеклах
Это свершится...

Опережая теории
о зарождении жизни,
опережая желание,
На оси мировой не сумею удержаться,

Упадем
неожиданно

Нуже! Дыши!

...а очнувшись,
лишенные рая,
обряжены кожей,
Будем вечно искать,
Только так и не вспомним,
Кто мы
и в чем смысл жизни.

Тампере

Илья Ильвес

ФАНТАЗИЯ РЕ МИНОР

Невероятно, но горизонталь
Нелепа даже из могилы,
Где квадратура что есть силы
Отталкивает круговой февраль.
Воздушный кварк взывает к полюсам
Ума, что не предельность в росте
Смерть, что, будто засидевшиеся гости,
Разъедутся все мысли по домам.
Возвышенность граничит с пустотой.
Цель в назиданье расстоянью
Торчит, как риф чревовещанья,
Омытый в полночь радиоволной.
Объём вбивает в плотность гроздь масс.
Один был мал я в твоём взгляде,
Как сытый волк в голодном стаде.
Прах превзойдёт в числе границы глаз,
Температура, поскользнувшись вниз,
Разбилась в дребезгах системы.
Её бессменной теоремы
Я в доказательство встал на карниз.
Её останки похоронят в май,
Меня же бросят за ограду,
Где в состоянии распада:
Ей – синь, да зелень, мне ж – дощатый край.
Как паузы наскучивший балласт,
Я выброшусь долой из шума.
С живыми не сложилось суммы,
Такс мёртвыми слежусь в единый пласт.
И многим позже, в седине, во сне
Ты обмахнёшь пустую душу.
И может, ход вещей нарушив,
Я выйду на прогулку по весне.

Снег падает обратно в лужах льда.
Впустой квартире прозвоня,
Твой номер выкрикнул меня
И я встревоженно ответил: «Да?...»

СИРЕНЕВЫЙ КРАСИТЕЛЬ

Воскликнуть кожей каблука на пьяных сходнях...
Кунжутот мостовой в рогаль на фонаре да в Grande —...,
Да обмакнуть перо себя, червлёное в циан,
Вчернильнице грудастой, пышной подворотни.

Дотла он выглядел ещё тленно угодней... —
Впадай же северным крестом в пупковой грыже слов!
Из оглавления: Смешно. Под шахматных. Столов.
Паркетной. Геометрии. Удобрить. Сродни...

Не образуемая ярость конокрада...
Да и мостам летать в глагоподобный мармелад...
На тетиву смычок печали — в брошенных назад
Прожитых в прочь, впрок нерождённых, в недосвятых.

Взакатах удаль перевёрнутых крестов ума...
Удел Delirium, обожествляясь, клонит в ночь.
Одну её в цианистых клозетах растолочь
Да пудрой по декабрьским, рубиновым потьмам.

Ещё оракул в судороге рта, в копилку неба
Отплюнет нищий грош бикфордового дня.
Воскреснуть (но не так, как ты подумал, скорее снять
С крестов) таких, как я — они там смотрятся нелепо.

Прим. автора:

Гран (в данном случае) — собирательный образ ночного Парижа
между Опера Гарнье (Гранд-опера)
и Гран-Гиньоль.

ИГРОК

Les dames et messieurs, все ставки брошены.
Дискретный портаменго льёт со струн
В бокалы сукровицу нот, поношенный
Крупье закидывает в стол гарпун

Руки за достижением критической
Отметки цифр. Стихийное панно
Вросло вокно корнями льда. Панически
Я обнаружила бокала дно,

Иссох испуг вращения на губах. Впотьмах,
Словах иголовах в фаворе страх.

Прелестница Гармония смахнула прах
Сусмешки Фобоса. Впохорохах

Участвуют крупье и посвящённые,
Надежда дремлет в мёртвом хрустале,
По лестнице скатились рёбра чёрные
Расстриженных ветвей. В том феврале

Я обронил с души цилиндр тела в бархат,
Бежит теперь мой непокрытый взор
С отсутствующих цифр круга и анархо-
Скрывает куш отсутствием понтёр.

Отплюнь меня на шиворот, спусти, смой, mange
В мир, осабаченная подворотня!
Во мне застрял дымящийся мундштук-реванш,
Мне плоть, как никогда, близка сегодня.

Я сам теперь контрипра, лимит бесчислен,
Мой адъютант – бальзаковский бретёр.
Я ж бестелесо обновлён, окислен
Вбра меди, табаке, игре... Мотор!

Планеты шар обвалится семнадцать раз
Семнадцать доминантой – максимум
Определён. Банк обречён числом. Из глаз
Бьёт, омрачённый дымной ваксой, ум.

Безумствующий сумрак упадёт на два,
В финальный, недоовощённый раз.
Покатится петлять к парадной голова,
Отбросит в спину космос парафраз.

Рулетка циферблата метится в висок,
Курок чернеет в близнецах zero.
Разбавит сок мозгов божественный итог,
Очинит полночь времени перо.

Смоль привокзальная смахнёт слезливый газ,
Слотнёт сталь за огарок верстовой.
Квант стрелкобесточит паутину глаз,
Нить Ариадны кончится петлёй.

МЕМЕНТО

Memento,
 Не хватает дорожи до точки А,
 До точки В четыре квартала,
 И ещё на уста не забудь полста... –
 Всё одно, что на слово, что на ста-
 дии семантического развала.
 Алкай лакать алкоголь в олеандрах
 Тока жили движениях Отто,
 Хоть Николауса, хоть фон кого-то.
 Путая языком в англах и мантрах
 Свой автоэскиз вполюборота,
 Отдай тела тоску миру. Memento,
 Основной смыслзрения – память,
 Как и памяти – способность таять,
 Так сказать, обращать эквивалентом
 Значения потребности старить
 Желание. Memento, не Она
 Измеряет долготу протяжности
 Маршрута, а первостепенность сна,
 Сонм глаз в дребезжанье трамвая окна,
 Убеждённых в обратной важности.

Плеск польки проводов преобразует
 Свод вязкости расколотым стеклом,
 На горизонте скульптор извлекает
 Из философской глыбы города Ом
 Сопротивления тирана лаю
 Собак, как десятилетия лет потом,
 Запечатлённого в харизме камня
 Проспектов. Будто бы за стародавним
 Каким-то мильым тянет руку Цезарь.
 И в бронзе Сам, который бронзу резал.
 Льёт её осень апостериори.
 Memento mortis – memento mori...

МОРОСЬ ПЕЧАЛЬНАЯ

Морось печальная, сумерки винные.
 Мысли сплетаются с встречной осиною.
 Выжженных глаз одичалое тление –
 Признак обжорства, верней несварения.
 Память забавная, неосторожная.
 Ужас – не страшное, а не возможное.
 Вечер не отзвук, а точка кипения,
 Имя спугнувшего местоимения.
 Ночи кофейные, гарь восприятия.
 Тень, перекрёсток, фигура, распятие.
 Слабый огарок большого сознания –
 Выстрелы в спину, в лицо попадание.
 Слабость минутная. В алое, в синее...
 В след уходящей – трамвайная линия.
 Ночь огневая в вагонных флаконах –
 Символ пристанища умалишённых.
 Пусть и убийцей, но всё таки встреченных, –
 Тихая просьба совсем изувеченных.
 Светлая, добрая, вечная, тошная
 Жизнеспособность пустопорожня.
 Плетью свистит роковое молчание,
 Есть осознание – нет понимания.
 Город, бессонница, пенная, встречная
 Мгла законная, поросль млечная.
 Осень, фитиль, часовое..., двустрочное...,
 Льнёт, настигает и прочее, прочее...

Москва

Станислав Дуденков

Смотрив окно – там дождь идёт,
успей задать ему вопрос: идёшь? проваливай!
Потом туман и ветер,
и ты и их спроси: скажите мне откуда вы?
и я пойду искать.

Что может смог? Вода шептала мне и спорила со мной,
затем я подчинился ей и был во власти неземной,
а воды точат время под ногами и поят землю.

2012 г.

От случая к случаю, от поражения к победе,
иду я и слушаю усердные веди.
И звук тишины в них пространствами тает
и в воздухе мирном туман улетает.

2012 г.

Хельсинки

(Прим. ред.: Первая публикация автора.)

Студия

Артефакты.

С 19 по 23 июня с.г.
в Белоруссии
прошел
XV Всемирный
конгресс русской
прессы (ВАРП).

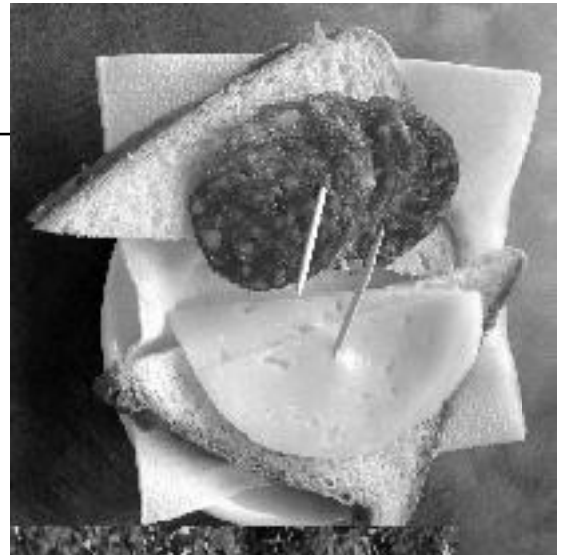

Участники Конгресса побывали в Минске, Бресте, Беловежской пуще, посетили Несвижский замок, Брестскую крепость (это произошло 22 июня ровно в 4 часа); встречались с президентом Белоруссии Александром Лукашенко, представителями муниципалитетов и регионов, журналистами и руководителями СМИ страны. В своем фоторепортаже художник-фотограф **Кирилл Резник** делится впечатлениями.

Язык.

Люди.

Символы.

